

На правах рукописи

Игнатова Вера Сергеевна

Инновации в культуре и социокультурные институты обновления

24.00.01 – Теория и история культуры

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени

кандидата философских наук

Белгород-2013

Работа выполнена на кафедре философии
ФГАОУ ВПО «Белгородский государственный национальный
исследовательский университет»

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор
Римский Виктор Павлович

Официальные оппоненты: **Мелешко Елена Дмитриевна**,
доктор философских наук, профессор,
зав. кафедрой философии и
культурологии, ФГБОУ ВПО «Тульский
государственный педагогический
университет им. Л.Н. Толстого».
Черкашин Михаил Дмитриевич,
кандидат философских наук, доцент,
зав. кафедрой философии и социологии,
«Курский институт социального
образования (филиал) ФГБОУ ВПО
РГСУ»

Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Тульский государственный
университет», кафедра философии

Защита состоится 13 декабря 2013 г. в 17.00 на заседании совета по защите диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук Д 212.015.05 по философским наукам при НИУ «БелГУ» (308600, г. Белгород, ул. Преображенская, 78).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке НИУ «БелГУ» (308015 г. Белгород, ул. Победы, 85).

Автореферат разослан 12 ноября 2013 г.

Автореферат размещен на официальном сайте НИУ «БелГУ»:
<http://www.bsu.edu.ru>.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор философских наук, доцент

Е.А. Кожемякин

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Стало тривиальным и даже модным употреблять термин «инновации» и «креативность» не только в научных работах, но и в публицистических и медийных текстах. Действительно, современное человечество развивается на научно-инновационном цивилизационном базисе, а производство знания и многообразных инноваций оказывает влияние на политику и экономику современных обществ, на духовно-нравственную культуру наций, межкультурный диалог, солидарность групп и ментальность граждан.

Инновации в культуре (социальные и технологические, научные и образовательные, произведения искусства и литературы) и возникающие на их основе новые технологии и в прошлом определяли историко-культурную эволюцию различных обществ, а в наше время непосредственно вызывают экономические, социальные, культурные изменения, являясь «энергетическим ядром» социокультурной динамики современного человечества. Эти изменения порождают как позитивные, так порой и негативные, разрушительные эффекты, вызывают всплески социально-психологической эйфории, сменяемые столь же интенсивными массовыми фрустрациями. Все это отражается в науке и философии, в литературно-художественном творчестве и массовой культуре.

Очевидным стал и тот факт, что все так называемые «глобальные проблемы» человечества, возникшие на стыке столетий, могут быть решены не путем отказа от научно-инновационных моделей развития современных культурно-цивилизационных систем, а в перспективе управления рисками изменений в неустойчивом мире. Большую роль при этом играет рациональное управление не только способами производства инноваций (нового знания и новых технологий), но и институтами трансляции знания и инновационных форм жизнедеятельности человека.

В последнем аспекте всегда особую роль играло образование в широком смысле – как система воспроизводства и трансляции знания новым

поколениям, развития и совершенствования личности, форм общения, духовно-нравственных норм и способов бытия человека в культуре. Это обуславливает поиск оптимальных путей организации и управления единым образовательным пространством в масштабе страны и в пространстве российских регионов. Особую роль здесь призваны играть университеты как институты производства и обновления научного знания, инноваций и новых культурных норм и стандартов в формировании современного человека, вступающего в жизнь в эпоху рисков и нестабильности, болезненных российских реформ, в том числе и в сфере науки, образования и культуры.

Таким образом, рассматриваемое нами «инновационное проблемное поле» объединяет целый ряд вопросов, имеющих актуальный характер и отличающихся переплетением философско-культурологических и науковедческих аспектов, глобальных и локальных культурных измерений, конфликтом центра и периферии, страны и региона. Ближайшее рассмотрение проблемы инноваций в культуре показывает, что мы не можем удовлетвориться только проблемами научных и технологических инноваций, как это в основном пока наблюдается в современном социально-гуманитарном и философском знании. Необходимо, как мы считаем, преодолеть философско-методологическую ограниченность того горизонта, в котором используются соответствующие понятия и концептуализации.

Степень научной разработанности проблемы. Проблемы инноватики и инновационного развития мирового и российского социума, управления инновациями и инновационными знаниями сравнительно недавно получили свое развитие в специальной литературе, занимая в социально-гуманитарных науках не узкую дисциплинарную нишу, а весьма неопределенную междисциплинарную область.

Создание основ инноватики как междисциплинарного знания многие относят к началу XX века – это, прежде всего, труды философски мыслящих экономистов и социологов П.А. Сорокина, Й. Шумпетера и Н.Д.Кондратьева. Однако, исследования социальной роли науки в инновационном развитии

общества и человечества впервые начаты в работах О. Конта, К. Маркса, М. Вебера, В. Зомбарта, П.А. Сорокина и других классиков социально-гуманитарного знания и философии.

Очень большое внимание инновационной проблематике уделяют такие современные зарубежные экономисты и социологи, как Р. Данкан, П. Друкер, Дж. Залтмен, Л. Водачек, О. Водачкова, Дж. Мартино, Б. Санто, Б. Твисс, П.Штомпка, Э. Янч и др.

Можно выделить и работы отечественных ученых (И.Г. Балабанов, И.В. Бестужев-Лада, И.В. Волкова, Э.А. Гейгер, М.К. Горшков, А.В. Громов, И.А. Гундаров, В.Л. Иноземцев, А.В. Ламанов, Г.Г. Малинецкий, Н.Л.Маренков, Б.Ф. Усманов, А.Н. Фоломьев, А.С. Эпштейн и др.), в которых мы находим непосредственное обращение к различным социологическим и экономическим аспектам инноватики: формирование моделей инновационных процессов, циклы инновационной деятельности, социальные проблемы сопротивления инновациям и т.д. Надо отметить, что свой вклад в исследование инноваций в условиях региона и управление региональными образовательно-инновационными системами внесла и белгородская социологическая школа (В.П. Бабинцев, О.В. Башкатова, В.Б.Тарабаева, Т.Г. Комарова, Н.Н. Сегедина, Г.Ф. Ушамирская и др.).

Для целей нашего исследования очень важным является тот факт, что исследование инноваций в последние десятилетия было вплетено в контекст более обширной социально-экономической и социально-философской проблематики, связанной с попытками концептуализации и категоризации того общества, культуры и мира, в котором мы живем. Мы имеем в виду, прежде всего, исследования индустриального, информационного и постиндустриального общества (Дж. К. Гэлбрейт, Д. Белл, Э. Тоффлер, М.Кастельс, Ю. Хабермас, М. Хоркхаймер), концепции технократии и меритократии (Х. Арендт, Х. Барнс, З. Бжезинский, Ж. Гурвич, Х. Шельски, М. Янг и др.), «общества знания» (Р. Лэйн, Г. Бехманн, А. Горц, Дж. Майер,

Дж. Нейсбит, Р. Райх, Н. Штер, Д.Дж. Фрэнк, и др.), «общества риска» (У.Бек, Н. Луман), «когнитивного капитализма» (Б. Польере).

Из отечественных ученых в контексте теорий постиндустриализма и «общества знания» к инновационной проблематике обращались К.Х.Делокаров, С.Г. Кара-Мурза, А.Н. Малинкин, Г.В. Осипов, А.И. Ракитов, Е.О. Соломатина и др.

Особое место в осмыслении проблемы инноваций в культуре занимают исследования науки и научного творчества в современной социологии знания, социологии науки и образования, неклассической философии науки и философии образования: работы Дж. Бернала, П. Бурдьё, Д. Дьюи, Б.Р.Кларка, Т. Куна, И. Лакатоса, Б. Латура, К.Манхейма, Р. Мэртон, Дж.Нидама, Д. Прайса, М. Полани, К. Поппера, Ст. Тулмина, П. Фейерабенда и других.

Разумеется, мы опирались на работы таких отечественных философов, которые внесли существенный вклад в философию науки, понимание и интерпретацию науки, научного творчества и производства нового знания в контексте истории культуры и в условиях современного нестабильного мира, как И.Т. Касавин, Е.Н. Князева, С.П. Курдюмов, В.А.Лекторский, Т.Г.Лешкевич, Е.А. Мамчур, Л.А. Микешина, Е.З. Мирская, Н.Ф.Овчинников, А.П. Огурцов, В.Н. Порус, В.М. Розин, В.С. Степин, В.С.Швырев, Б.Г. Юдин и др.

Важное значение для нашего исследования имели и работы в русле философии образования. Можно отметить как классические философско-образовательные исследования П.П. Блонского, Л.С. Выготского и его школы, С.Л. Рубинштейна, Б.Г. Ананьева, Э.В. Ильенкова, М.С. Кагана, Г.П.Щедровицкого, В.С. Библера, так и более современные (А.П. Валицкая, Б.С. Гершунский, Э.Д. Днепров, В.М. Розин, А.П. Огурцов и др.).

Но в отечественной философии, к сожалению, сложилась парадоксальная ситуация, когда об инновациях и инновационном развитии пишут много, но до сих мы почти не встречаем, за редким исключением,

попыток категоризации самого понятия «инновации». В этом плане определенный прорыв был сделан на конференции, проведенной Институтом философии РАН совместно с Белгородским государственным университетом («Проблемы российского самосознания: архаическое, традиционное и инновационные начала». 4-я Всероссийская конференция, Москва-Белгород, 27-28 мая 2009 г.). Надо выделить и III Культурологический конгресс «Креативность в пространстве традиции и инновации» (Санкт-Петербург, 27-29 октября 2010 года), который стал плодотворным проектом в направлении философско-культурологического осмысления проблем инноватики.

В контексте конференций возникла и проблема философского наследия М.К. Петрова, одного из основателей отечественной культурологии и философии науки и образования, который фактически первым ввел в научный оборот сам термин «инновации». М.К. Петров с его идеями «онаучивания общества», «институтов обновления знания» и «институтов трансляции знания», роли науки и университетов в развитии европейской и мировой культуры первым поставил и попытался решить проблемы творчества и репродукции в культуре, институционального обеспечения производства и воспроизводства инноваций в культуре, науке и в образовании. На работы М.К. Петрова мы опирались в своем диссертационном исследовании, учитывая, соответственно, все контексты возникновения его идей, их поздний вход в научный и философский оборот, соотносили с исследованиями современных ученых и философов.

Проблема инноваций в культуре предполагала использование конкретно-исторического материала и его философско-культурологические экспликации, с чем было связано обращение к работам таких авторов, как С.С. Аверинцев, Р.Барт, П. Бергер, М. Блок, Ю.М. Бородай, Ф. Бродель, Я.Э. Голосовкер, А.Я.Гуревич, П.С. Гуревич, Г.В. Драч, Ж. Дюби, Вяч. Вс. Иванов, Ж. Ле Гофф, А.Ф.Лосев, Э.С. Маркарян, С.С. Неретина, Б.Ф. Поршнев, В.П. Римский, Э.Ю.Соловьев, В.А. Шкуратов, А.Я. Флиер, М. Элиаде и многих других.

Мы исходим из философско-методологической предпосылки, что феномен инноваций в культуре необходимо исследовать как в междисциплинарном пространстве, так и в плане предварительной философской категоризации соответствующих понятий, рассмотрения диалектики культурного творчества (творчества культуры) и культурного наследия, обновления и культурных традиций, важнейшей роли науки и образования как институтов производства и передачи знания и инновационной культуры современного человека.

Исходя из всего вышесказанного, мы определили **объект** диссертационного исследования: *инновации, творчество и знание в культуре.*

Соответственно, **предмет исследования** – *инновации и институты обновления и трансляции знания в социокультурной динамике.*

Цель диссертационной работы: *философско-культурологическое исследование развития инновационных форм и механизмов культуры и институтов производства и воспроизводства нового знания.*

Реализация обозначенной цели обусловила постановку и решение конкретных **задач**:

- реализовать философскую экспликацию понятий «инновации» и «институты обновления»;
- исследовать феномены инноваций и институтов обновления и трансляции знания в исторических культурно-цивилизационных системах;
- определить специфику производства инноваций и научно-инновационного образования в социокультурной динамике индустриального общества;
- выявить институциональные особенности современного университета в производстве инноваций и нового научного знания и механизмы трансляции инноваций в культурно-образовательное пространство региона.

Теоретико-методологические основы исследования. Выбор междисциплинарной и философской методологии исследования,

используемых принципов обусловлен сложным характером и спецификой исследования инноваций в культуре.

Диалектический, системно-структурный, сравнительно-исторический, культурно-цивилизационный, культурно-антропологический и культурно-семиотический методы позволили подойти к пониманию феномена инноваций в культуре в фокусе переплетений в жизнедеятельности человека и общественной жизни многообразных модусов и глубинных оснований.

В нашей работе мы применяли деятельностный и дискурсный методы в изучении культуры, понимаемые нами в качестве способов и ориентиров исследования конкретно-исторических форм бытия, общения, коммуникации и творчества реального человека.

Учет философско-культурологической и культурно-семиотической методологии М.К. Петрова применительно к новым данным в социально-гуманитарном знании и обновленным парадигмам философствования позволил произвести категоризацию понятий «инновации» и «институты обновления», рассмотреть инновации в историко-культурной эволюции, истории философии, науки и образования.

Научная новизна диссертационного исследования:

- дано философское определение инноваций в культуре как креативных форм знания, деятельности и общения в условиях кризисной социокультурной динамики, закрепленных в исторически конкретных институтах обновления и трансляции для поддержания стабильности культурно-цивилизационных систем;
- исследованы феномены инноваций, институтов обновления и трансляции в исторических типах культурно-цивилизационных систем, что позволило определить специфику античных и средневековых форм знания и образования как предпосылок генезиса науки и образования в эпоху Нового времени;

- выявлена специфика науки и научного университета в производстве и трансляции нового знания и инноваций в подвижной социокультурной динамике индустриального мира;
- определено место инновационного университета как института обновления и генератора нового научного знания, технологий и культурного капитала, основного канала трансляции инноваций в образовательное пространство, в том числе и на региональном уровне.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Индивиды-новаторы и творцы-авторы, анонимные или имеющие исторические закрепленное имя, всегда организованы в специфические группы, занятые в условиях конкретно-исторического разделения труда творчеством, т.е. производством инноваций в культуре (институты обновления). Инновации в культуре можно разделить на а) *творческие инновации* – производство в институтах обновления радикально новых идеальных продуктов (знаний, технологий, норм и схематизмов) в условиях неравновесной и кризисной социокультурной динамики с повышенным избытком информации и степеней свободы в деятельности субъектов творчества; и б) *технологические инновации* – творческое воспроизводство в институтах инновации и трансляции старых и вновь созданных идеальных форм в ситуации определенной социальной упорядоченности, что имеет значение для стабилизации и развития конкретно-исторических культурно-цивилизационных систем.

2. Философия как *теоретическое знание* («номотетика» – идеальное воспроизводство форм социальности) и *техника формирования личности* (практика самосознания и самодеятельности) в античных философских школах (институты обновления и трансляции знания) и вне таковых выполняла задачу познания мира и человека с целью укрепления навыков жизни человека в полисе и в индивидуальной повседневности. Особым *инновационным потенциалом* в средние века обладали *монашеские ордена*, которым мы обязаны возникновением *университета как института*

обновления и трансляции античной пайдеи (тривиум и квадриум), возникновением *теологии* как «первой философии» (Аристотель) и *теоретической теодицеи*, творчески изменившей эллинистическую философию. Средневековый университет как *грандиозная культурная инновация*, институт инновации и институт традиции одновременно становится на века парадигмой творческого развития человечества.

3. В Европе Нового времени мы приходим к возникновению собственно «европейской цивилизации», использующей арсенал античной философской номотетики и богословской теодицеи («философия как наука» и квазитеология). Наука первоначально возникает в маргинальных пространствах религии, теологии, философии и политики как *специфическая субкультура* с собственными коммуникативными ресурсами, символической манифестацией и мифологией, которые формируют стереотипы поведения ученого и способы научной деятельности, воплощенные в специфических знаково-символических системах, социокодах, структурах личностной идентичности и идеальных формах рациональности (научного знания). Наука и научная философия участвуют в воспроизводстве не полиса и «христианского мира», а «гражданского общества» и нации-государства. В это время создается и специализированная научно-инновационная культура, которая целенаправленно воспроизводится в системе образования (университет) и духовного производства (элитарная и массовая культура).

4. На рубеже XX и XXI столетии, складывается тип сверхподвижных глобальных культурно-цивилизационных систем, в которых инноватика становится экзистенциальной предпосылкой сохранения самого человека, и требует реформы всей системы подготовки научно-педагогических, интеллектуальных и культурных кадров. Во всем мире идет преобразование культуры в направлении создания новых институциональных форм, основанных на принципах *креативного генерирования* и использования *научно-инновационного* и *управленческого многообразия*. Это связано с условиями производства и хранения нового знания, информации и

инновационных технологий как предпосылками создания *неиерархических коммуникативных и управленческих сетей*. При переходе на *научно-инновационную модель развития региона* важным фактором является поиск оптимальных путей организации, планирования и управления наукой и высшими учебными заведениями в *едином образовательном пространстве*, в целостной *системе региональной культуры*.

Теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что выявленные теоретические и концептуальные модели инноваций и научно-инновационного образования позволяют исследовать процесс взаимодействия государственной власти и высшего образования как в общероссийском масштабе, так и в условиях региона. Результаты исследования найдут применение в исследовании практических механизмов производства научного знания в университетах и научно-инновационных субкультурах в региональном пространстве.

Результаты диссертационной работы направлены на гуманизацию и гуманитаризацию учебно-образовательного процесса в региональных вузах, формирование воспитательной среды, развитие научно-просветительской деятельности.

Результаты будут использоваться в преподавании курсов «Философия», «История и философия науки», «Культурология» и др.

Личный вклад автора состоит в разработке авторских определений инновации и института обновления, новых концептуальных предпосылок определения специфики античной философии как инновации в культуре и института обновления теоретического знания и технологий воспитания человека, университета как важнейшей инновации в средневековой культуре. В диссертации дана авторская трактовка возникновения науки и специфики трансформации научного университета «гумбольтовского типа» в современный инновационный университет, определяющий динамику мирового и регионального образования и культуры.

Апробация результатов исследования. Результаты исследования были изложены в выступлениях на международных и всероссийских конференциях: VI Всероссийская научная конференция молодых учёных, докторантов, аспирантов и студентов «Философия и наука поверх барьеров: Нации и этнокультурная идентичность в современном мире» (апрель 2011, Белгород); Всероссийская молодежная конференция «Когнитивное моделирование: динамика гражданского общества и фактор национально-конфессиональной толерантности» (сентябрь 2011, Белгород); II Международная научно-практическая конференция «Социально-гуманитарные дисциплины в творческом вузе: проблемы и междисциплинарные связи в научном дискурсе» (февраль 2012, Луганск, Украина); Заочная Всероссийская научно-практическая конференция «Пространство культуры: проблемы философии и методологии» (май 2012, Белгород); Всероссийская научно-практическая конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Культурные тренды современной России: от национальных истоков к культурным инновациям» (апрель 2013, Белгород).

Диссертация обсуждена на заседании кафедры философии НИУ «БелГУ» и рекомендована к защите.

По теме диссертации опубликовано 11 научных работы (в том числе 3 статьи в журналах из списка ВАК РФ) общим объемом 3,55 п.л.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, двух глав и четырех параграфов, заключения и библиографического списка.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы диссертации, характеризуется ее степень научной разработанности, определяются цель, задачи, объект и предмет, теоретико-методологические основания и научная новизна работы, формулируются положения, выносимые на защиту, отражаются личный вклад автора и апробация результатов исследования.

В *первой главе* диссертации **«Инновации и институты обновления в культуре и философии»**, мы определяем такие понятия как «инновации», «институты обновления» и «институты трансляции», исходя из критического усвоения теоретико-методологического потенциала работ М.К. Петрова, фактического историко-культурного и историко-научного материала, а также исследований отечественных философов и культурологов.

В *первом параграфе «Проблема инноваций и институтов обновления в современной философии»* отмечается, что М.К. Петров фактически первым в отечественной философии, культурологии и науковедении обратился к понятию «инновации». Диссертант дает критическую интерпретацию его идей, пытается выстроить понятийный ряд, позволяющий увязать «инновационность» с развитием производства нового знания и институциональными формами «производства человека» (образованием человека).

Термин «инновации» М.К. Петров употреблял уже во второй кандидатской диссертации, но не так часто, оперировал и другими понятиями и концептами, близкими по смыслу и значениям: «новация», «новое знание», «бисоциация», «открытие», «творчество», «научное творчество», «продукты творчества», «постредакционная вставка», «селекционирующая вставка», «творческая вставка», «трансмутация», «обновление социокодов» и т.д. Эти понятия и концептуальные метафоры позволили ему зафиксировать своеобразный *«круговорот инноваций» в культуре*: даже если эти инновации были открыты конкретными людьми тысячи лет назад, они постоянно получают в творчестве новых поколений и «живых людей» «постредакцию», «творческие вставки» и проходят тесты на усовершенствование (иногда и на «открытие велосипеда»), что дает *приращение нового* – знания, технологии, навыка, метода, интеллекта, свободы и уверенности в себе и собственном творчестве.

Обращение к тезаурусам современной отечественной философии показало, что определение «инноваций» дается через близкие термины:

«нововведения», «новое знание», и т.п. Это ни что иное как «логический круг», определение по тождеству. «Инновации» чаще всего понимаются только в контексте «современности», «модерна» как «рациональные формы деятельности», приходящие на смену «архаичным» и «традиционным» (надо понимать, «нерациональным», что проблематично), что сразу же снимает проблему нововведений в традиционалистских культурах. Имеются попытки развести инновации как *продукт творчества* и «нововведения», то есть *продукты «социализации»* и *«технологического применения» творческих инноваций*. Для философского определения инноваций, по мнению диссертанта, представляется разумным в этом веере понятий и смыслов выделить более общие, *родовые*, под которые можно было бы подвести и прояснить вопрос об «инновациях в культуре». Таковыми нам представляются понятия «культура» и «творчество».

М.К. Петров еще в 60-е годы в своих работах разводил *культуру как деятельность* и *культуру как общение*, субстанцией которой и является собственно *творчество конкретного, «смертного индивида»*. Упор на *новое знание* и *творчество*, которое совершается только в сфере *общения как субстанции культуры*, вел его к тому, что еще в своей второй кандидатской диссертации он фактически сделал основным предметом *творчество индивида в науке*, определяющей всю современную «онаученную» культуру. Основная интенция философствования Петрова и состояла в том, чтобы показать, что даже в исторически ограниченных, отчужденных формах культура зависит от отдельного, «смертного человека» и выступает продуктом его творчества – творит и открывает новое отдельный человек, всегда найдется конкретный, пусть для нас и анонимный новатор, а не «общественное поголовье». Он рассматривал творчество наряду с репродукцией как два универсальных основания и механизма любой культуры, увязывая творчество с общением (связь человека с человеком посредством знания и языка), а репродукцию с предметной деятельностью (связь человека с вещным и внешним миром). Ученый шел по пути

построения философии культуры на основе сопоставления моделей языка, речи, науки и кибернетики (идеи матрицы и кодов), понимая творчество как сущностную основу культуры-общения, которая хотя и невозможна без культуры-деятельности (в том числе и знаковой), но и *не сводима к деятельности*, как механизму опредмечивания.

М.К. Петров столкнулся с рядом затруднений еще в книге «Искусство и наука», пытаясь развести «творчество в искусстве» и «творчество в науке», более универсально – «творчество» и «репродукцию» как два основания и механизма культуры. Лишь на первый взгляд кажется, что «репродукция» им интерпретируется сугубо отрицательно. М.К. Петров, наоборот, «онтологизирует» *репродукцию*, относя ее к основной системной характеристике «жизни вообще»: любое *воспроизводство системы* (в том числе и неживой) – репродуктивно. Но уже здесь, в онтологической глубине понятия «репродукция» содержится *тест на парадоксальность*: не являются ли «творчество», «новое» и «инновация» тем «временным» и «тленным», без которого не существует «вечное» и «репродуктивное»? Если творчество и репродукция оказываются изначально заложенными в *двухосновное бытие культуры*, то что тогда представляет сама культура как не свободное бытие «человека творящего»? Абсолютно ли закрыта репродуктивная деятельность в сфере культуры для творчества? С.С. Неретина отмечала, что М.К. Петров снимал эту парадоксальность путем ввода понятия «творчество репродукции».

Диссертант, опираясь на эти выводы, выделяет собственные основания для снятия антиномизма творчества и репродукции: в реальной жизнедеятельности человека творчество как производство инноваций (нового знания, идеальных продуктов, образцов и технологий) всегда осуществляется в *институциональной форме*, организовано в специфические социальные институты обновления и трансляции «нового»; «институты обновления» одновременно являются и «институтами ритуала», т.е. трансляции нового

знания и форм деятельности в повторяющиеся универсальные, общезначимые схематизмы культуры и нормы общения людей.

Возникает и вопрос: не являемся ли мы свидетелями подмены концептами «репродукция» и «ритуал» более устоявшегося и более категориального понятия «традиция»? Тем более, что М.К. Петров постоянно противопоставлял «традиционные общества», основанные по преимуществу на репродукции, «европейскому», универсально-понятийному способу бытия и мышления человека, обреченному на «творчество нового». Соглашаясь с М.К. Петровым в том моменте, что европейский культурно-цивилизационный тип является *аномальным*, «вывихом», отклонением от «нормального» традиционалистского, естественного пути развития человечества, мы придерживаемся той точки зрения (В.П. Римский), что в этой концепции не учитывается диалектическое различие понятий «культура» и «цивилизация»: при их исторической конкретизации снимается противоположность «новации» и «ритуала», «творчества» и «репродукции». Институты обновления и институты трансляции нового, инноваций, оказываются не только взаимополагаемыми, но в культурно-исторической конкретике и совпадающими, что и заставляло самого М.К. Петрова употреблять такие сложные концепты как «трансмутационно-трансляционные каналы» и т.п.

Инновации в культуре (научные инновации являются лишь одной из исторически поздних форм) и возникающие на их основе технологии понимаются нами как *творчество новых идеальных форм* в философии, образовании, искусстве, литературе, науке, производстве и управлении, распространение и применение которых удовлетворяет потребности индивида, различных социальных групп, общества в целом и вызывает экономические, социальные, культурные и другие *позитивные изменения*, определяющие социокультурную динамику.

Во *втором параграфе «Институты обновления и трансляция знания в историко-культурной динамике»* мы исходим из того

методологического положения, что культурные миграции, кризисы, разрывы и ре/волюции (иногда как откат назад, в хаос «начала») всегда порождали взрывное творчество человека, креативные, *радикальные инновации* в противовес к *технологическим инновациям*, движущимся в круге усовершенствований, подражания, ритуала и репродукции.

«Начальные» миграции и расселения первобытного человека обозначили *разрыв* между палеоантропами и неолитами и вызвали к жизни *взрыв первичных инноваций* в многочисленных архаических культурах. Первобытный человек «открыл» и «изобрел» не только орудия труда (каменные ножи топоры, лук и стрелы, одежду и жилище) в ситуативных технологиях, но и речь-миф (В.П. Римский) как первичный семиотический комплекс, который и воспроизводился в инициациях и других ритуалах, связанных с первичными коммуникациями. Это *ритуалы отличия* в рамках дуальноэтнических отношений, в которых и происходило формирование мифологических кодов отличия «мы» от «них», человека от «нечеловеков». Человек изначально, пусть и в коллективной форме, воспроизводил *практики свободы и идентичности*, с которыми были связаны и «рецептурные знания» в первичных «картинах мира» (тотемические классификации и т.п.).

Другим важным рубежом стала *неолитическая революция* культуре, также связанная с многочисленными миграциями и расселениями, которая «открыла» такие *социальные инновации*, как земледелие, оседлое и кочевое скотоводство, ремесло (плавка металлов, гончарное искусство, ткачество, изготовление оружия и т.д.), письменность и государственную власть. На этой основе началось становление *самосознания* отдельного человека, и он в героическую эпоху вырвался за рамки человека-функции в ролевой структуре первобытной общины – земледельческая и скотоводческая община была вынуждена предоставить отдельным индивидам статус *личности* (вождям, старикам, народным умельцам, шаманам-поэтам, поэтам-пророкам и, главное, жрецам). Неолитическая революция и миграции-расселения,

связанные с ней, привели к появлению сразу, одновременно, в нескольких местах и независимо «осевых цивилизаций», по выражению К. Ясперса, в которых произошел всемирно-исторический синтез не только предшествующих новых социальных технологий и культурно-семиотических систем, но и начался *диалог* между самими новыми культурами и цивилизациями, *открывшими человека*. Революционные «срывы» и «кризисы» в культуре осевого времени затронули древние Китай, Индию, Египет, Вавилон и Иудею.

Эти процессы и определили становление таких культурно-цивилизационных систем, которые М.К. Петров относил к *«олимпийско-традиционному культурному типу»*. Однако, мы вносим уточнение в их характеристику, сближая с «осевыми поворотами» в исторической онтологии человека. Именно в это время усложнение жизнедеятельности человека сказалось в выделении отдельных лиц и групп, которые частично освобождаются от «производственной» деятельности, постепенно формируется социальная группа, которая занимается не только воспроизводством мифосознания в религиозных формах и трансляцией «культурных традиций», но и *продуцирует социальные инновации и новое знание*. Это уже были не только земледельческие и ремесленные технологии, но и военные, административно-бюрократические, жреческие, писцовые, педагогические и т.д. Они, конечно, строились по принципам родства и по мифопоэтическим кодам профессионально-наследственной традиции и весьма эффективно накапливали *опытно-рецептурное* знание, но не сводились к этому, несли в себе потенциал новых способов мышления и бытия человека.

Методологическое игнорирование *многообразия кризисов и разрывов*, которые реконструируются историками и культурными антропологами при исследовании архаики и первичных культурно-цивилизационных систем, привело, например, М.К. Петрова к признанию в истории культур и цивилизаций *только одного разрыва и кризиса* в бассейне Эгейского моря, с

которым и был связан, по его мнению, генезис классического античного полиса, философии как «теоретической номотетики», обслуживавшей полисные «политико-правовые порядки», универсально-понятийного социокода и «европейского способа мышления».

И вряд ли стоит ограничиваться только одной социальной или этнической группой при рассмотрении вопроса о преодолении «традиционных» технологий и становлении принципиально новой «двухсубъектной деятельности» (М.К. Петров), в которой слово-знание предшествует деятельности. Пираты и воины-наемники, колонизаторы и купцы-мореплаватели, греки и персы, израильтяне, иудеи и финикийцы (все народы семитские), этруски и другие латинские племена, реформаторы и законодотворцы (Солон и Ликург, Моисей и Авраам), религиозные пророки, мудрецы-софосы и философы – все они творили новую «осевую» культурно-историческую реальность и нового человека. И это был особый этап в развитии разных *традиционных осевых* культурно-цивилизационных систем, исторически связанных с генезисом современной европейской «онаученной» цивилизации модерна, но никак прямо не программировавших её появление в будущем.

Надо учитывать и другие факторы, связанные со спецификой греческой культуры и философии. Мы считаем, что натурфилософские космогонии, все эти идеальные формы – «архэ», «фюзис», «единое» и «многое» – не были «побочным продуктом» философии как теоретической номотетики, а ее органичной формой моделирования мира. И для самих философов, и для полноправных граждан греческая *политейя*, как синкретическая (нравственно-политико-правовая-религиозная) субстанция, была не только пространством «*политических добродетелей*» (забота об общем благе, политейя), но и *катартических практик* (забота о себе, о душе), а философия воспроизводила в идеальных логико-грамматических формах социальных проектов не только номос-закон, но и «практики самости» (Фуко) свободного грека (как и римлянина). Здесь следует учитывать и важнейший фактор

специфики античной культуры и античной философии – античная Пайдейя, в которой, как *едином институте обновления и трансляции знания*, античные философы помимо проективно-теоретической номотетики воспроизводили и другие инновации, связанные с *идеалами должного* и идеальными образцами калокагатии в теоретической, *созерцательной этике*. Это относится не только к философии, но и к архитектуре и скульптуре, стержню античного пластического искусства, к другим сферам духовного творчества.

Необходимо по-новому взглянуть и на другой «*осевой поворот*» и *радикальный разрыв*: между античным «язычеством» и христианством, связанный с падением Римской империи. Культурно-цивилизационный слом и разрыв, которые сопровождали возникновение «христианского мира», предполагал определенную перекодировку не только предшествовавших христианству семиотических систем, но и собственно раннехристианских (евангелических) и патристических, антично-христианских текстов и кодов. Подвижность социокультурного мира средневековья намного превосходила эллинистический мир: здесь мы находим не только иные практики «корпоративного служения», но и способы перехода из одной корпорации в другую: уход в монахи «лишних людей», на что указывал и М.К. Петров, и Л.Н. Гумилев (фактически одновременно), затрагивал не только корпорацию воинов-рыцарей, но и крестьян, ремесленников, купцов. Именно с этим связана та «вертикальная» и «горизонтальная» мобильность, которая подготовила *творческие прорывы* в средневековой культуре и предпосылки будущих разломов и трансформаций. Маргинальность и мобильность уже на уровне социокультурной стратификации заложили огромный креативный и инновационный потенциал в средневековье и грядущее «возрождение» античности.

Церковь в средние века стала *институтом обновления* и носителем инновационности в культуре, не только институтом традиции, но и инновации. Теология (теоретическая теодицея) занималась идеальным воспроизводством в доказательствах бытия Бога «ветхого» и «нового»

закона, давала тем самым *религиозную санкцию-закон* тому божественному порядку, справедливому и прекрасному, в котором, как в живой стихии религиозности, человек средневековья обретал себя в вере и «практиках самости» церковной жизни (исповедь, духовничество, таинства и т.п.).

Монашеские ордена-корпорации создают классические западноевропейские университеты («высшие школы» в Константинополе и в арабском мире не дошли до такой «универсальности»), которые сразу же включились в конкурентную борьбу за влияние на новом «образовательном пространстве» с «классической античностью», «неклассическим» исламом и «еретическим Константинополем». Монахи-теологи и монахи-священники были хранителями не только богословской дисциплинарности, но и дисциплины строгой религиозной жизни. Сюда, а не только к мирскому аскетизму протестантов, восходит и «научный аскетизм» как дисциплина образа жизни, и дисциплинарность строгого мышления ученых-интеллектуалов Нового времени. Инновационный потенциал заключался не только в рационализме схоластики и логико-диалогических методах проведения занятий (диспут, семинар), но и в способах идентификации, символических формах манифестации членов университетской корпорации.

Во *второй главе «Инновационное развитие культуры и образования в современном мире»* решаются задачи определения специфики научного производства инноваций и научно-инновационного образования в социокультурной динамике индустриального общества и механизмов трансляции научных инноваций в культурно-образовательное пространство региона.

В *первом параграфе* второй главы *«Наука и научно-инновационное образование в социокультурной динамике индустриального общества»* автор исходит из того, что, во-первых, в предыдущей главе не употреблялось понятие «наука» применительно к древнему миру, античности и средневековью, так как мы однозначно придерживались позиции: наука как специфическая форма культуротворчества и познавательной активности

возникает только в сложном социокультурном контексте Европы XVII века и больше нигде. До этого можно говорить лишь о донаучных рациональных и донаучных нерациональных формах знания и творческой, инновационной деятельности по их производству и воспроизводству как *культурно-исторических предпосылок науки*.

При этом если и говорить о генезисе науки как об «интеллектуальной революции XVII века» (М.К. Петров), то именно в таком горизонте понимания последней, как именно ре/волюции, т.е. определенном «оборачивании», возврате к этим «историческим предпосылкам» в рационализованном и упрощенном варианте, что нам, в частности, и демонстрирует «возрождение» античности в эпоху Возрождения и «возвращение» ценностей раннего христианства в Реформации.

Наука первоначально не возникает как «таковая», а шаг за шагом создается интеллектуалами, которые себя еще не осознают «учеными» в нашем понимании. Они вполне искренне ощущают себя все еще теологами, как Декарт, хотя и дистанцируются от университетской, схоластической «учености». Здесь начинают создаваться *собственные основания науки*. Во-первых, идет формирование научной «неформальной» коммуникации в противовес «старым» схоластическим формам общения в средневековом университете: Королевское общество в Англии не носило названия «академии», но именно оно стало первой формой *институализации науки*, выросшей из неформального общения ученых и построенной по образцу античной «академии». «Научные академии» существуют в двух формах: под *патронажем государства* и как *самоуправляемые коллективы*, ядро которых составляют «невидимые колледжи» (Р. Бойль). В таком виде они существуют до наших дней: первая форма прижилась в континентальной Европе (и в «онаученных» регионах Востока и Юга), а вторая – в англо-американской системе организации науки и научного знания. Фактором неформальной институализации науки и знания стали и «салоны», особенно распространенные во Франции периода Просвещения, идеологически

подготовившие скорее революцию, чем научный прорыв страны, связанный с академией, которую якобинцы сразу же подвергли «гильотинированию» в лице великого ученого А. Лавуазье.

Другим фактором институализации науки и ее экспансии в культурные коммуникации продвижения знания стало появление *специфических научных текстов* – статей и монографий, которые первоначально вырастают из *частной переписки* ученых и философов, но рассчитанной на публичную манифестацию идей. *Статья* с ее аргументацией *своей позиции* уже не путем диспута и отсылкой к авторитету Библии, как в схоластическом университете, но путем апелляции к «результатам» других ученых через *цитирование*, обращение к *математике и логике*, как способу доказательства, и *эксперименту*, подтверждающему выводы путем строгой фиксации «наблюдений» и «фактов». Научная статья фактически приобретает *монологическую* структуру (или снятую диалогическую) не только в противовес схоластическому диспуту с его эмоциональной экзальтацией, но и как *способ «объективации»* результатов «*строгого*» научного исследования, лишенного издержек субъективности (именно в этом поле и работает «научная философия» с ее противопоставлением «субъекта» и «объекта»). Возникновение первых научных журналов закрепило эту монологическую форму как манифестация знаковых, вполне «материальных» и «публичных» форм этой «строгости» и «объективности». Первый в истории науки и культуры журнал «Философские записки Королевского общества» (1665) был создан в Англии. Из писем и статей возникла и *научная монография* с ее символическим самоназванием, отрицающая открытый, лицом к лицу диалог (важен стал диалог не субъекта и субъекта, а субъекта и объекта), которая уже отличалась от теологических трактатов не только апелляцией к «научным», «математическим» и экспериментальным авторитетам, но и к «интересам государства и нации».

О специфике методов доказательства рождавшейся научной субкультуры и ее связи с политической аргументацией очень много сказано в

работах Б. Латура, который вполне обоснованно сомневался в «объективности» и «строгости» как научной аргументации и доказательств, так и лабораторных опытов, которые не просто «конструируются» учеными, но, как и сами приборы, должны быть «заточены» на прогнозируемый «результат». Это определило рождение мифов науки и мифов о науке, которые достроили первоначально субкультурную форму научного познания и творчества до «общезначимости» и публичности в культурно-идеологическом дискурсе эпохи. Методы политической аргументации переносятся не просто в науку, с ними вторгаются и соответствующие политические мифологемы и схематизмы, а «малая», *неформальная научная субкультура* («невидимый колледж») постепенно превращается в «большую науку» и «научную политику», связанную с «безопасностью нации» и «государственным интересом».

Собственно, в развитии научных коммуникаций идет становление и специфической научной рациональности как способа производства нового знания и главного основания науки. В тексте работы это прослежено на примере генезиса *первой научной дисциплинарной парадигмы – физической*. Математика, многие теоретические достижения которой восходят к античным, схоластическим и арабским донаучным формам знания, была составной частью научной рациональности в век Ньютона, служила методическим инструментом в обосновании физической картины мира и формировании физической дисциплинарной парадигмы, а часть из математических открытий получила применение гораздо позже. Это был также важнейший «камень», положенный в собственные основания науки.

Значение для генезиса науки имело изобретение *научной книги как технологической инновации*, без которой не была бы возможны фиксация и распространение важнейших открытий в физике и астрономии. И хотя техника штучной печати (на текстиле и бумаге) зародилась еще в древнем Китае, распространилась на арабском Востоке и в Европу попала в начале XIV века, массовое производство печатной бумажной продукции началось с

середины XV века. Здесь, как и в случае с порохом и магнитной стрелкой, простое заимствование диковинных изобретений становится реальной инновацией на другой культурной почве – типичный пример *инновационной аккультурации*. Поэтому и эра Гутенберга начинается в век Ньютона.

В век Ньютона были изобретены и основные *научные приборы*, – телескоп, микроскоп, термометр, барометр и воздушный насос, без которых не возник бы еще один из главнейших «камней» собственного основания науки как экспериментального естествознания – *научная лаборатория*.

Научная рациональность наиболее полно в этот период выразилась и в соответствующем *социокоде* – доминирующей знаково-семиотической системе, которой становятся различного рода *математически-формализованные научные тексты*, способные бесконечно наращивать объем информации о внешнем мире и внешнем поведении человека (высший образец на данный момент – информационно-кибернетические машины, воспроизводящие специфическую виртуальную реальность). Здесь, в этот век Ньютона и создается то, что и получит позже название «естествознания». Параллельно, с некоторым опозданием накапливались инновации в химии и биологии.

Завершился процесс превращения науки из субкультуры в доминирующий социокультурный институт обновления и трансляции научного знания трансформацией схоластических средневековых университетов в *научный университет* (университет гумбольтовского типа) – основное учреждение по воспроизводству научного знания и научных кадров.

Для завершения оставалось опереться на *основную социально-экономическую инновацию*, собственно и создавшую индустриальную культуру и цивилизацию: *изобретение машин и машинной индустрии*. Разумеется, здесь надо отметить и *предпринимательство* как социально-экономическую инновацию, задействовавшую эмоциональную и

интеллектуальную силу человека, известную со времен хитромудрого Одиссея.

Этот процесс «онаучивания общества» (М.К. Петров) завершился тогда, когда лаборатория вышла из стен университетов и шагнула в аптеки, больницы, фабрики и заводы, а наука стала «непосредственной производительной силой» (К. Маркс). Здесь закончился процесс формирования в культуре собственных социокультурных оснований науки. Эта система, сложившаяся к концу XIX века, с некоторыми вариациями сохраняется вплоть до наших дней.

Во *втором параграфе «Университет как институт производства научно-инновационного знания в региональных системах образования и культуры»* исследованы проблемные точки развития современного вуза (прежде всего, регионального университета научно-инновационного типа) в плане выявления благоприятных условий и институциональных оснований для производства нового научного знания и его трансляции в учебный процесс и региональное культурное пространство в перспективе международных культурных коммуникаций.

В конце прошлого века не только в России произошла *демодернизация* и началась *реиндустриализация* в результате социально-политической трансформации. Это наблюдалось и на Западе, где демодернизация и реиндустриализация были вызваны такими причинами, как политико-идеологические либеральные иллюзии «постиндустриализма» и «глобализации». Сейчас очевидно, что так называемый «постиндустриализм» проявился не столько в виде доминирования в экономике развитых стран научно-инновационного сектора и сектора «производства знаний», а стал продуктом «экономики потребительства», в том числе и за счет непропорционального, необоснованного кредитования потребностей населения и стран «золотого миллиарда»: мировой финансовый кризис конца нулевых годов XXI века и донныне вялотекущий кризис и стагнация еврозоны и России – тому подтверждение. Это обусловило и тот факт, что проблемы в

науке и образовании на Западе оказались *типологически схожи* с проблемами кризиса науки и образования в постсоветской России. Сейчас важно обобщить не только собственный опыт выживания в условиях кризиса «старого» индустриализма и демодернизации, но и опыт западных (США и Европа) и восточных (Китай, Индия, Япония) миросистем.

В эпоху «нового индустриализма» меняется характер социальных и научных инноваций, механизмы их внедрения в промышленные, социальные и интеллектуальные технологии, в повестку дня становится реформа всех институтов подготовки научных и педагогических кадров с учетом новой социокультурной динамики. В связи с этим возникает *сетевая инновационная парадигма управления* бизнесом, наукой, образованием и другими социальными институтами и структурами.

На наш взгляд, управление современными инновационными предприятиями и организациями, в том числе отраслевыми и корпоративными НИИ, структурами РАН и университетами в России, должно строиться не только по принципу *вертикального администрирования*, но, прежде всего, сетевой, *горизонтальной структуры управления*, что подразумевает развитие *принципа подвижной иерархии с несколькими центрами* символической власти и субъектами культурного капитала, что наиболее отвечает категоризации инновационных, креативных парадигм современного мира.

Важное место в становлении новых цивилизационных парадигм, опирающихся, как мы считаем не столько на инновации в культуре, сколько на инновации-репродукции в технологиях и научном знании в рамках устоявшихся, «нормальных научных парадигм» (Т. Кун) принадлежит «инновационным университетам», которые трансформировали гумбольтовскую модель «научного университета» применительно к реалиям рубежа столетий. Это отражает процесс глобализации науки, образования, конвергенции технологических и социальных базисов стран с различными политико-правовыми, политико-идеологическими и культурными системами.

К концу XX века с *неустойчивостью развития* в современном постиндустриальном мире столкнулись *все университеты мира*. США и страны ЕС также проводят преобразования «старых», «классических», научно-образовательных университетов в университеты нового поколения – *научно-инновационные университеты* (предпринимательские и т.п.). Создание в нашей стране в последние годы «национальных исследовательских университетов» (в том числе и НИУ «БелГУ») вполне соответствует запросам культурно-цивилизационного развития желанного во всем мире постиндустриализма.

В диссертации на основе сравнения динамики НИУ «БелГУ» с другими вузами региона и России рассмотрены основные проблемы внутреннего управления университетами и внешнего взаимодействия с органами власти. Мы пришли к выводу, что в плане управления постиндустриальное общество и научно-инновационная экономика требуют в университетах нового типа не «вертикальной иерархии» и «подведения всех под единый управленческий алгоритм», а *«горизонтальных отношений», самостоятельности и поддержки творческой инициативы*. Научно-инновационный индустриализм ориентирует управление не просто на поддержку, а на *культивирование и проектирование* институционального и структурно-функционального *многообразия и разнообразия*. Необходимо формирование *научно-интеллектуальной элиты*, которое сейчас идет во многом стихийно.

Темпы современного развития науки, образования, техники и технологий, скорость социокультурных изменений все более актуализируют и проблемы *взаимодействия органов государственной власти и высших учебных заведений на уровне региона*. Этот своеобразный уровень взаимодействия культуры, науки, высшего образования и государственной власти в условиях региона приобретает свою специфику, что также актуализирует проблему управления и решения задач компенсации социальной напряженности в условиях региона, развития эффективных форм социального партнерства. Единое образовательное пространство страны в

данном случае лишь задает ориентиры, которые преломляются через региональную культуру с ее уникальными условиями и особенностями. И если в случае с инновациями и «экономикой знания» вузы выступают как производители, то в этом случае как потребители и равноправные участники образовательной среды региона. Более того, и в том, и в другом случае вузы являются интеграторами, своеобразными «точками сборки» активного субъекта социальной и политической жизни региона.

Немаловажным фактором также является осуществление региональной властью функций управления посредством образования. Этот тезис находит свое концептуальное обоснование в теории «мягкой власти» Дж. Ная, который выдвинул тезис о возможности осуществления политики и реализации власти путем формирования ценностей, взглядов, предпочтений акторов, опираясь на авторитет и привлекательность. Формирование своеобразного «имиджа» осуществляется двумя путями: 1) методами «публичной дипломатии»; 2) развитием непосредственных контактов между людьми. Это эффективно достигается посредством образования. Образование в данном случае следует рассматривать не просто как процесс получения знаний или компетенций, но также как процесс формирования мировоззрения, а значит и политических, культурных предпочтений.

Высшее образование региона также может рассматриваться как элемент формирования «мягкой власти» в глобальном и культурно-локальном смыслах. В первом случае следует говорить о том, что целый ряд высших учебных заведений региона осуществляют подготовку иностранных студентов и, следовательно, включены в процесс «борьбы за умы и сердца» (термин политологов для описания процесса реализации «мягкой власти»). Это напрямую связано с инвестиционной привлекательностью региона, его позиционированием в масштабах страны. Первостепенной задачей здесь будет формирование имиджа области.

Ценностный аспект на уровне региона даже при формальной готовности к переходу на инновационный путь развития и взаимодействия по

модели «тройной спирали» (Г. Ицковиц) в пространстве «мягкой власти» может оказывать существенное влияние на отношения власти и высшего образования. Сущностной характеристикой этого аксиологического пространства культуры и образования будет свобода как возможность выбора инновационных моделей поведения и освоения потоков информации, коммуникации и способов креативной деятельности.

В заключении обобщаются результаты, формулируются выводы и намечаются перспективы дальнейшего развития темы исследования.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

Статьи в журналах, рекомендованных ВАК РФ

1. Педагогические условия организации инновационной среды в региональном вузе // Высшее образование в России. – Вып. 2. – М., 2012. – С. 84-89 (0,5/0,25) (в соавт.).
2. Инновации и «мягкая власть» в условиях региона: контекст взаимодействия государственной власти и высшего образования // Alma mater. Вестник высшей школы. – №5. – М., 2013. – С.11-15 (0,6/0,3 п.л.) (в соавт.).
3. Проблема инноваций в философии культуры М.К. Петрова // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – № 16 (159). – Вып. 25. – Белгород, 2013. – С. 60-68. (0,9 п.л.).

Публикации в научных журналах и сборниках

4. О системе кадрового обеспечения государственной молодежной политики // Кадровое обеспечение процесса разработки и реализации молодежных программ. Сборник научных статей по результатам работы научно-практической конференции. – Белгород, 2005. – С. 168-170 (0,3 п.л.).
5. Досуговая деятельность современной молодежи // Аналитическая деятельность в государственном и муниципальном управлении: Сборник студенческих научных работ. – Белгород, 2008. – С. 113-116 (0,2 п.л.).
6. Информационно-аналитическое обеспечение государственной молодежной политики // Проблемы государственного и муниципального управления – 2010: сб. науч. работ молодых ученых. – Белгород, 2010. – С. 99-101 (0,2 п.л.).
7. Инновации и национальные исследовательские университеты // Философия и наука поверх барьеров: Нации и этнокультурная идентичность в современном мире: материалы VI Всероссийской научной конференции молодых учёных, докторантов, аспирантов и студентов, г. Белгород 14 апр. 2011 г. – Белгород, 2012. – С. 52-53 (0,1 п.л.).
8. Инновационная модель развития общества и проблемы экстремизма // Всероссийская молодежная конференция «Когнитивное моделирование: динамика гражданского общества и фактор национально-конфессиональной толерантности»/ г. Белгород, 8-10 сентября 2011 г.: Материалы докладов и выступлений. – Белгород, 2011. – С. 106-108 (0,2 п.л.).

9. Принципы социального проектирования в исследовательской деятельности творческого вуза // Соціально-гуманітарні дисципліни у творчому ВНЗ: проблеми і міждисциплінарних зв'язків у сучасному науковому дискурсі. Матеріалі II Міжнар. наук.-практ. конф. (Луганськ, 16-17 лют., 2012 р.). – Луганськ, 2012. – С.32-34 (0,4/0,2 п.л.) (в соавт.).
10. Проблема «традиции – инновации» и генезис научно-инновационных субкультур: (культурно-цивилизационный контекст) // Наука. Культура. Искусство. Научный журнал БГИИК. – №1. – Белгород, 2012. – С. 34-57 (1,0/0,5 п.л.) (в соавт.).
11. О некоторых факторах взаимодействия власти и вузов в условиях региона // Пространство культуры: проблемы философии и методологии. Сборник докладов заочной Всероссийской научно-практической конференции (Белгород, 22 мая 2012 г.) / Отв. ред. Г.Н. Калинина. – Белгород, 2012. – С. 96-102 (0,4 п.л.).